

Научная статья
УДК 398(=811.511.12)(470.21):911.5
doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.004

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КОЛЬСКИХ СААМОВ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ АПАТИТСКО-КИРОВСКОГО РАЙОНА МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Ольга Александровна Бодрова

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук», Апатиты, Россия, o.bodrova@ksc.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>*

Аннотация

В статье рассматриваются локальные фольклорно-мифологические традиции саамов Экостровского погоста в контексте сохранения нематериального культурного наследия и развития регионального туризма. Проблема взаимодействия культуры и пространства сохраняет свою актуальность как для различных научных гуманитарных дисциплин, так и в прикладных сферах деятельности, в том числе для восполнения лакун при разработке маршрутов, экскурсионных текстов и других продуктов организованного научно-познавательного, образовательного, экологического и этнографического туризма в регионе.

Ключевые слова:

фольклор, саамы, Апатитско-Кировский район, Кольский полуостров, историко-культурный ландшафт, туризм

Благодарности:

статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме научно-исследовательской работы № FMEZ-2024-0002 и профинансирована из федерального бюджета.

Для цитирования:

Бодрова О. А. Фольклорно-мифологические тексты кольских саамов в контексте осмысления природных территорий Апатитско-Кировского района Мурманской области как историко-культурного ландшафта // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2024. Т. 3, № 4. С. 39–49. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.004.

Original article

FOLKLORE AND MYTHOLOGY OF THE KOLA SAMI IN THE CONTEXT OF UNDERSTANDING NATURAL TERRITORIES AS A HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE (ON THE MATERIAL OF THE KIROVSK-APATITY AGGLOMERATION OF THE MURMANSK REGION)

Olga A. Bodrova

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Apatity,
Russia, o.bodrova@ksc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5312-6692>*

Abstract

The article considers the local folklore and mythological traditions of the Sami people of the Ekostrovsky Pogost in the context of preservation of intangible cultural heritage and development of regional tourism. The problem of interaction between culture and space remains relevant both for various scientific humanitarian disciplines and in applied areas of activity, including filling gaps in the development of routes, excursion texts and other products of organized scientific, educational, ecological and ethnographic tourism in the region.

Keywords:

folklore, Sami people, Kirovsk-Apatity agglomeration, Kola Peninsula, historical and cultural landscape, tourism

Acknowledgments:

the article was supported by the federal budget to carry out the state task of the Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences" No. FMEZ-2024-0002.

For citation:

Bodrova O. A. Folklore and mythology of the Kola Sami in the context of understanding natural territories as a historical and cultural landscape (on the material of the Kirovsk-Apatity agglomeration of the Murmansk region) // Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2024. Vol. 3, No. 4. P. 39–49. doi:10.37614/2949-1185.2024.3.4.004.

Фольклор как вид нематериального культурного наследия

Статус фольклора как нематериального культурного наследия был закреплен в 2003 году Конвенцией ЮНЕСКО. Согласно этому документу нематериальное культурное наследие — это «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, — а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, — признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия», которое передается «от поколения к поколению», постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, взаимодействия с природой и истории, формирует «чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека»¹. К конкретным формам нематериального культурного наследия в Конвенции отнесены как объекты наследия, так и способы наследования и социальные механизмы передачи традиции:

— устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;

— исполнительские искусства;

— обычаи, обряды, празднества;

— знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;

— знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами².

Одной из наиболее актуальных проблем нематериального культурного наследия является «сложность сохранения его объектов в естественной социокультурной среде» [1: 64], особенно если речь идет о наследии коренных малочисленных народов. Научное решение данной проблемы предлагает фольклористика, в задачи которой входят собирание, публикация и изучение фольклорных текстов и сюжетов. Наряду с научным подходом, не менее действенным способом сохранения нематериальных объектов культуры является музеефикация, в том числе за счет современных технологий экспонирования: исполнения фольклорных произведений во время работы «живых» экспозиций, воспроизведения аудио- и видеозаписей с электронных носителей, проведения ремесленных мастер-классов и пр. Если говорить о фольклорных сюжетах, поддающихся хотя бы относительной локализации на территории исконного проживания некоторой этнокультурной группы, то можно выделить и нетрадиционный способ сохранения фольклорного наследия — использование его сюжетов в так называемом «туристском тексте», сопровождающем рассказ гида о природных объектах показа на пути туристического маршрута. В туристской отрасли даже разработана своя методология включения нематериального культурного наследия, в частности, фольклорных повествований, в процесс оказания услуг туристам на конкретной территории, названная К. Сальмоном «Стратегией Шахерезады» [2]. Стратегия включает четыре этапа: а) репрезентацию природного и культурного наследия через фольклорный нарратив, который дает представления об уникальности территории; б) изложение фольклорного сюжета в определенное время при выстраивании темпа и напряженности повествования на протяжении всей экскурсии; в) оформление «посыла» туристской дестинации путем выделения туристских достопримечательностей в качестве основного фактора привлекательности для туристов; г) создание информационного поля в сети Интернет, которое будет привлекать туристов и формировать рыночный сегмент. К названным этапам некоторые исследователи рекомендуют добавить создание еще и «культурного якоря», который привязал бы фольклорный сюжет к конкретному объекту на данной местности [3: 116].

Репрезентация природных территорий Апатитско-Кировского района в саамских фольклорных сюжетах и туристских текстах гидов-проводников

В связи с природной территорией традиционного проживания какой-либо этнокультурной группы ее нематериальное культурное наследие называют важнейшим туристско-рекреационным ресурсом, привлекающим внимание путешественников. А использование нематериального культурного наследия в туристской деятельности, при включении его в туристские маршруты для знакомства с этнокультурными традициями и обычаями коренного населения, становится средством его защиты,

сохранения и популяризации [4: 50]. Участие туристов в национальных праздниках и событийных мероприятиях, приобщение к местным этническим традициям и устному творчеству, конечно, не может заменить «живую» трансляцию традиционных знаний и представлений, но отчасти является своего рода имитацией механизма их передачи, только уже не от поколения к поколению внутри этнокультурного сообщества, а от одной культурной группы к другой.

Природная территория как естественная среда, в которой исторически «проживали» не только представители автохтонного населения, но и их фольклорные произведения, мифологические и экологические представления и т. д., определяется в настоящее время понятием «историко-культурный ландшафт». В музейном деле этим термином обозначают «исторически сложившийся природно-культурный территориальный комплекс, сохранивший аутентичные признаки (природные, материальные, ментальные) и признанный современным обществом как объект культурного и природного наследия» [5: 52]. Историко-культурный ландшафт является частью культурного ландшафта — «постоянно развивающегося природно-культурного образования, формирующегося в результате непрерывного взаимодействия природы и человека» [Там же]. В гуманитарных же науках считается, что при определении понятия «историко-культурный ландшафт» следует учитывать еще и «региональное этнокультурное поле, включающее в себя совокупность как реально существующих, так и исторически существовавших элементов как материального, так и нематериального культурного наследия, принадлежавшего всем этносам, оставившим след в культуре данного региона» [6: 187]. Фольклор рассматривается в этом контексте как одна из составных частей культурного (и историко-культурного) ландшафта наряду с мифологией места, духовной культурой, восприятием местным сообществом своих традиций и другими объектами нематериального культурного наследия [7: 72]. И вообще, считается, что граница между культурным и природным ландшафтом, как между физическим (географическим) и ментальным, часто бывает трудноуловима [8: 33], в силу того что природный ландшафт (горы, воды, флора, фауна) был «тем начальным, что в наземном виде подлежало повседневному использованию», а затем вошел в художественное сознание и пространство [8: 12].

Примером историко-культурного ландшафта можно считать окрестности городов Апатиты и Кировск Мурманской области — туристской дестинации, включающей районы озера Имандра и Хибинского горного массива, которые на протяжении долгих веков входили в состав территорий Экостровского погоста и нашли отражение во многих фольклорных произведениях экостровских саамов. Учитывая рекреационную привлекательность данной территории и большое количество объектов показа, понятно, что организованная туристская деятельность местных турфирм и ТИЦ³ должна использовать разнообразные средства для формирования экскурсионных продуктов, а из всего богатства нематериального культурного наследия коренного населения самыми легкими для эксплуатации являются тексты саамских фольклорных сюжетов, привязанных к местным природным достопримечательностям.

В основу настоящей статьи отчасти легли результаты исследования по грантовому проекту ЦГП КНЦ РАН «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова»⁴, в рамках которого на территории традиционного проживания экостровских саамов было локализовано 22 природных объекта, отраженных в 49 устных нарративах (записаны во второй половине XIX — начале XX вв.). Характерными для них являются тематические циклы и сюжеты, связанные с а) объяснением происхождения каменных и горных природных объектов (ущелий, скал и пр.), б) преданиями о вражеских нашествиях, в) культом сейдов. В жанровом отношении эти произведения несказочной прозы относятся к историческим и этиологическим преданиям, шаманским легендам, мифологическим рассказам [9]. В процессе интервью с официально признанными гидами и неаттестованными лицами, которые занимаются сопровождением туристов по маршрутам в районах Хибин и Имандры, было выявлено, что среди туристов востребован любой фольклорный материал независимо от того, насколько точно он воспроизводит реальные сюжеты саамского устного творчества. При этом из трех информантов только один рассказал, что опирается на оригинальные тексты, собранные среди саамов и опубликованные в записках исследователей

XIX века⁵ или в сборниках саамских сказок⁶ (Инф. 2⁷). Основными источниками фольклорных сюжетов для других опрошенных информантов являются интернет-ресурсы (Инф. 1, 3), информационные буклеты для туристов (Инф. 3), а также воспоминания о прочитанных сказках в детских изданиях (Инф. 1). По словам гидов, чаще всего в экскурсионных текстах они пересказывают «легенду о шишах Николая Васильевича Кудрявцева про разбросанные камни и про битву с некими духами»⁸ (Инф. 2), сюжет о происхождении Ущелья Мертвых (Юмьекорр)¹⁰ (Инф. 1, 2, 3), сюжет о переселении сейда из Белой губы к озеру Большой Вудъявр⁹ (Инф. 1, 2) и в целом упоминают о чаккли¹¹, без привязки к конкретному природному объекту (Инф. 2, 3).

Рис. 1. Ущелье Мертвых, Хибины

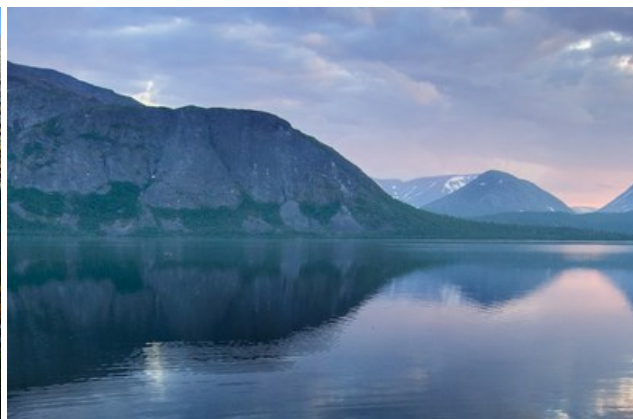

Рис. 2. Скала у Большого Вудъявра,
куда переселился сейд с острова Сейтсуол

Фотографии Григория Ильина. Из отчета по проекту РГНФ «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова»

Результаты изучения материалов интервью предварительно позволяют отметить некоторые закономерности, хотя и требуют более развернутого исследования и продолжения сбора данных. Так, несмотря на довольно активное использование нематериального культурного наследия кольских саамов, ни один из опрошенных гидов не связывает данный факт с делом сохранения и популяризации традиций саамской культуры. В их оценке использование фольклорных сюжетов имеет вполне прагматическое значение и служит цели заполнить время экскурсии каким-либо текстом при переходе от одного объекта к другому:

«Да я б не сказал, что они (туристы — О. Б.) прям о чем-то сильно расспрашивают, но надо ж что-то рассказывать, пока шагаешь. Люди ж деньги заплатили (смеется — О. Б.)» (Инф. 1).

Вместе с тем знакомство туристов с сюжетами саамского фольклора может отражать ценностные ориентиры гида: как его стремление рассказать о реальных причинах происхождения природных объектов в противовес сверхъестественному объяснению в фольклорных произведениях, так и намерение привить уважение к природе и истории края:

«Это, в общем-то, все цель такая, что рассказ про камни, про шишей, — это все предваряет дальнейший рассказ про процессы в Хибинах, про сейсмическую активность, про недавние находки сотрудников Геологического института наших, что землетрясения в Хибинах довольно сильные случались не очень давно, там порядка несколько сотен лет назад, и летающие камни с горы действительно были во время сильной встряски и могли от ущелья отлетать просто камни. И это, возможно, как раз и послужило основой легенды этой (описанной Н. В. Кудрявцевым — О. Б.). Ааа... соответственно, если это рассказ про Ущелье Мертвых, про скалу Гэллуса (Выдозерский сейд¹² — О. Б.), это в основном по большей части опять же с целью отсылки, последующей к рассказам про ученых, про исследования. Ну, и про чаккли это, наверное, такого больше развлекательного характера, но с целью тоже показать то, как коренные жители воспринимали природу вокруг себя. Какие вообще моменты были (Инф. 2);

«Ну, в целом, то, если эти сюжеты будут знать жители Апатитско-Кировского района, то это, конечно, будет здорово. В целом, это будет больше, какой-то больший контакт, наверное, с этой местностью и вообще с природой, историей этого края. То есть люди будут как-то наверняка больше и ценить и уважать то, что вокруг них находится» (Инф. 2).

Примечательно, что упомянутый информантом контакт с местностью, вступление в символические отношения с пространством современные исследователи называют основой туризма как вида человеческой деятельности и одной из главных моделей поведения человека в географическом пространстве [10: 48, 49]. В своем путешествии турист через контакт с территорией приобщается к «земле неведомой» (*terra incognita*), находящейся за пределами «земли знаемой» на границе картины мира, в основании которой лежит географическое воображение, а также формируются благоприятные условия для жизни пространственных мифов [11: 54]. С такой точки зрения смену топонимов при путешествии из своего региона до места туристического маршрута можно рассматривать как ономастический культурно-пространственный код, который обозначает переход к другой географической картине мира [11: 56]. По словам одного из информантов, расшифровка саамских топонимов Хибин и Имандры — предмет особого интереса приезжих туристов и важнее для них, чем история происхождения самих природных объектов, обозначенных данными названиями:

«Ну, почему “зачем спрашивают” (про саамские названия — О. Б.)? Ну, вот представь. Приехали люди в другое место. Может, оно другое, там по природе, другим отличиям. А, может, такое же, ну, как в Карелии. Ну, чего тут интересного? А когда слышишь другие названия — они (туристы — О. Б.) их даже выговорить не могут (смеется — О. Б.), сразу понятно, что это совсем другое, что вот ты путешествуешь по другим местам, другим краям, и здесь все другое. Ну, конечно, они спрашивают. Всегда спрашивают!» (Инф. 1);

«А я тут рассказываю, почему они (природные объекты — О. Б.) так называются. Почему остров там, ущелье. Ну, и по-настоящему рассказываю или как саамы говорили» (Инф. 1). На вопрос, как воспринимают туристы фольклорные сюжеты о происхождении ландшафта: *«Не, ну слушают, конечно, им интересно. Но не так, что прям слушают. Они ж понимают, что это сказки. А вот что это значит (названия — О. Б.) — это да, они прям хотят»* (Инф. 1).

Далее, анализируя материалы интервью, можно сделать выводы о своеобразном смещении пространственных представлений относительно территории, поэтически названной Б. И. Кошечкиным «жемчужиной в ладонях Лапландии»¹³, — озере Имандра с прилегающими окрестностями и Хибинами. Исследователи пишут, что «моделирование фольклорного образа окружающего природного пространства происходит на основе соотношения реального, наблюдаемого людьми ландшафта и его мифологической проекции в сознании носителей традиционной культуры» [12: 45]. Но то же самое можно отнести к рецепции и репрезентации историко-культурного ландшафта приезжими наблюдателями, мифологизирующими пространство Кольского полуострова. Эта территория, находящаяся буквально «на краю земли», что с древности отражалось в этимологии названия группы кончанской лопи, описывалась всегда как страна «суровая», «мрачная», «безжизненная», «холодная», населенная чародеями и фантастическими персонажами [13]. Лапландия, как она изображалась не только в XIX, но и в XX веке, мало чем отличалась «от представлений творцов Калевалы» и «всегда являлась в народном воображении только со своей мрачной стороны»¹⁴. Если в оценочном восприятии местного населения самыми важными характеристиками для природных локусов являлись приписываемые им свойства мест «хороших» / «плохих», «святых» / «нечистых», опасных / безопасных, освоенных человеком / диких [12: 45], то путешественниками вся территория Кольского полуострова как *terra incognita* оценивалась и описывалась только со знаком «—», как место исключительно «плохое», что и обусловило большинство штампов этнографической литературы дореволюционного периода [13], а также парадоксальный интерес к Кольскому Северу со стороны приезжих. Примечательно, что поток туристов в «Похьелу», с которой ассоциировалась Лапландия, не только не прекратился, но даже усилился со времени публикации в русском переводе текста «Калевалы»¹⁵, предупреждавшей словами матери

Лемминкяйнена о том, что в этой земле пришельцев ожидает гибель¹⁶. Как свидетельствуют путевые записки исследователей XIX — начала XX века, чем более сакральными и опасными для стороннего глаза считались у саамов места расположения сейдов, тем более желанными они становились для посещения у приезжих путешественников и чиновников¹⁷. Анализ публикаций центральных журналов постперестроечного периода [14] показал, что кольские ландшафты и в постсоветское время воспринимались как «гиблые» и «смертоносные»¹⁸. Это порождало «страшные рассказы» о гибели туристов в северных краях, особенно в местах обитания сейдов, и, по всей видимости, еще больше притягивало путешественников. Интерес к сейдам и «царству сейдов»¹⁹ — Кольскому полуострову не ослабевает, казалось бы, до сих пор, однако все больше смещается от саамской мифологии в сторону мифов о происхождении Гипербореи, популярных еще с советских времен [14]. Об этом пишут и авторы статьи о духовном туризме в Мурманской области, отмечающие, что гидам-проводникам приходится иметь дело «с обыкновением новых туристов приписывать местным объектам неизвестные самим проводникам смыслы» [15: 259].

Большинство «гиперборейских» мифов, циркулирующих в туристских текстах, связаны с окрестностями озера Сейдозеро, однако иногда они переносятся в район Хибин посредством связующих сюжетов о происхождении «лопарской крови» (минерала эвдиалита) и о персонаже саамского фольклора, предводителе чуди Куйве, оставившем свой образ на скале у священного озера саамов. Отчасти эта сюжетная связка известна благодаря академику А. Е. Ферсману, которому во время хибинских экспедиций один из противоречивых вариантов сюжета о борьбе саамов с чудским войском и каплях крови на камнях рассказала саами Анна Кобелева²⁰. Вместе с тем смещение смысла, места и даже сюжетной линии саамского предания происходит и в результате различных интерпретаций, тиражируемых в сети Интернет и в различного рода рекламной туристской продукции. По словам информанта-гида, использующего в работе сюжет о «лопарской крови», материал для текста экскурсии он черпал из «местного буклета»: *«Так это... же там написано, в буклете, ну, таком местном одном, с фотографиями. Что “лопарская кровь” — в Хибинах. Ну, и я рассказывал пару раз, что это сейды, ну, Куйва там. И им (туристам — О. Б.) тогда интересно, там, камни поискать, “лопарскую кровь”. Ну, можно любые красные камни»* (Инф. 3). Предположительно, информант упоминает буклет «Путешествие в Хибин. Маршрутом саамских легенд», изданном при участии Туристского информационного центра в городе Кировске, в котором, действительно, в свободной форме пересказывается сюжет о происхождении эвдиалита и антропоморфной фигуры на скале — Куйвы: «Еще одна старинная легенда связана с “лопарской кровью” — минералом эвдиалит — своеобразной визитной карточкой Хибин. Его особенно много в ущелье Юмьекорр (ущелье мертвых). Согласно этой легенды здесь была жестокая битва, в которой “шветы” — вооруженные отряды скандинавов, убили много местных жителей — лопарей. “...и капли крови лопской забрызгали все горы, тундры да Хибин, ... такой красный камень в горах — это ведь и есть та самая кровь лопская, кровь старых саамов”. И камни эти лежат там до сих пор...»²¹; «Со стороны долины Кукисвум на склоне плато Кукисвумчорр во время гроз иногда возникает мандала врат между миром Яви и миром Нави, а с противоположной этим вратам стороны хребет Поачвумчорр имеет облик Куйвы — божества смерти»²².

В ряде случаев могут меняться не только смыслы, связанные с семантикой саамских сейдов или местами их расположения, как упоминалось выше, но и сами объекты показа — в соответствии с удобством использования. Так, в Саамской деревне «Самь сыйт», недалеко от села Ловозеро, объектами показа вместо сейдов — камней природного происхождения — стали «заговоренные» деревянные идолы, расположенные вдоль аллеи²³. Подобные случаи подмены аутентичных объектов показа чем-то чужеродным в районе Имандры и Хибин не известны. Наоборот, вопреки всем тенденциям к искажению смыслов в туристских текстах, особенно когда речь идет о сейдах, именно на территориях районов, прилежащих к Апатитам и Кировску, информация для туристов представлена максимально корректно, например, на сайте Лапландского заповедника: «На вершине горы Ельнюн-2 находится сейд — нерукотворный священный камень коренных жителей саамов. Это не единственный экземпляр, но наиболее доступный для рассмотрения, в общей сложности на территории заповедника имеется около 10 сейдов»²⁴.

Наконец, гиды отмечают универсальный характер саамских фольклорно-мифологических нарративов, которые подходят для экскурсионного текста при сопровождении туристов и на территории Хибин, и Имандры. Это обусловлено как развитием самих оригинальных сюжетов и схожестью природного ландшафта во многих местах маршрута, так и восприятием территорий Апатитов и Кировска как единого историко-культурного ландшафта, во всяком случае, со стороны местного населения, знакомого с историей и традициями края:

«Соответственно, выбор в первую очередь обусловлен местом посещения, то есть, если мы идем по Хибинам в любом месте и видим большие огромные валуны, вот там хорошо рассказать про шишей и как они там бросались камнями и что вот это по легенде последствия этой битвы шишей. <...> Ну, и соответственно, в районе Имандры все это тоже, конечно, можно рассказывать, потому что та же легенда о шишах, это связано в первую очередь с побережьем Имандры и Хибин, район Аку-Аку. Хотя хорошо она ложится в любом районе, где есть большие камни, разбросанные по долине — а это почти во всех Хибинах. Про Имандру прекрасно ложится про Юмьекорр. Про Имандру прекрасно ложится про того же сейда Гэллис, потому что он улетал с Имандры. Про чаккли тоже, конечно же, да. То есть все, что я рассказываю, можно рассказывать как в Хибинах, так и в Имандре, потому что все это про одно. Один райончик, один такой вот региончик» (Инф. 2).

Выводы

Подводя итоги исследования, можно сделать два вывода. Во-первых, прилежащая природная территория городов Апатиты и Кировск, действительно, воспринимается как единый историко-культурный ландшафт, что во многом происходит благодаря нематериальному культурному наследию экостровских саамов, их истории и фольклорной традиции, закрепленных на так называемой «ментальной карте» местности. Во-вторых, создается впечатление, что смещение и искажение культурных смыслов, а иногда и фактов, при создании туристских продуктов происходит в результате лакун в образовании работников этой сферы. И, возможно, то, что исследователи туризма в регионе Мурманской области отмечают как «ощущение нехватки аутентичной информации о прошлом этих мест» у «местных людей, которые должны быть причастными к локальному знанию» [15: 259], свидетельствует, скорее, о недостаточной информационной подготовке некоторых проводников. В этом смысле аттестация экскурсоводов-гидов и гидов-переводчиков, которой занимается Комитет по туризму Мурманской области, представляется рациональным мероприятием как по улучшению качества оказываемых туристам услуг, так и по сохранению и популяризации природного и нематериального культурного наследия в регионе. Параллельно ведутся работы со стороны ученых и музейных сотрудников, занимающихся пополнением Реестра объектов нематериального культурного наследия народов России²⁵, в котором на данный момент значатся только три объекта нематериального культурного наследия Мурманской области: традиционная технология приготовления обрядового печенья «Козуля» у терских поморов, технологии обработки кости и рецепты традиционной кухни кольских саамов²⁶.

Рис. 3. Объекты нематериального культурного наследия Мурманской области, внесенные в Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России

Примечания

¹ Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация объединенных наций. Ст. 2. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml#:~:text=1.,%D0%BA%D0%0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%20%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%B8%D1%85%20%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 15.09.2024).

² Там же.

³ ТИЦ — туристский информационный центр.

⁴ Грант Российского гуманитарного научного фонда «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова» (2015–2016), № 15-11-51004, руководитель О. А. Бодрова.

⁵ Информант в качестве примера приводит очерки Н. В. Кудрявцева, В. И. Немировича-Данченко, В. Рамзая.

⁶ Информант упоминает в интервью «старый сборник восьмидесятого года», имея в виду, очевидно: Саамские сказки / ред. Г. Керт; сост. и автор предисловия, указателей, комментариев Е. Пация. Мурманск: Мурман. кн. издво, 1980. 320 с.

⁷ Инф. — информант.

⁸ Сюжет про шишей записан Н. В. Кудрявцевым (Кудрявцев Н. В. Русская Лапландия // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 3–4. С. 210–242: 211–217). Саамы признались ему, что боятся вечерами ходить в районе Аку-Аку, в лог у ущелья, называемого ими «Двери». Там, на самых высоких ущельях, в Хибинских горах, жили шиши. Они озлобились, когда их захотели оттуда согнать, и стали скатывать камни сверху. Налетел страшный вихрь и пургой снес их с утеса, а внизу их придавило этими же камнями. А другие, кто в живых остался, разошлись по лесам и злятся, силу свою чувят. Ходят больше в непогоду.

⁹ Разгневанный сейд из Белой губы озера Имандра с острова Сейтсуол перенесся к озеру Большой Вудьявр и поселился в скальной пещере. Опубликовано несколько вариантов сюжета.

¹⁰ В названии ущелья Юмьекорр отражается предание о гибели шведов, напавших на экостровских саамов и погибших в горах.

¹¹ Мифологические персонажи саамского фольклора. Маленького роста, живут под землей, любят передразнивать людей. В некоторых нарративах — богаты. Иногда проводят параллель между чаккли и скандинавскими гномами.

¹² Духом “galles” сейд у Большого Вудьявра был назван В. Рамзаем в статье, опубликованной в журнале “Acta Lapponica Fenniae” в 1892 году (Ramsay W. Imandrajärvestä ja Rasnjarkan lappalaisista // Acta Lapponica Fenniae. 2008. № 20. Рр. 93–104: 98). В отечественных источниках сюжет о переселении сейда с острова Сейтсуол (Белая губа) к Большому Вудьявру впервые был приведен В. И. Немировичем-Данченко (Немирович-Данченко В. И. Страна холода: Виденное и слышанное. СПб.: тип. М. О. Вольфа, 1877. 545 с.: 210–211). Выдозерским сейдом его обозначил В. Ю. Визе в нарративе, записанном от Петра Сорванова в 1912 году (Визе В. Ю. Народный эпос русских лопарей: материалы // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 2. С. 65–73: 51–52).

¹³ Кошечкин Б. И. Жемчужина в ладонях Лапландии. Л.: Гидрометеиздат, 1985. 88 с.

¹⁴ Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.: 3.

¹⁵ В стихотворном переводе на русский язык полный текст «Калевалы» был издан в России в 1888 году. Ранее, с 1840 года, выходили публикации отдельных рун.

¹⁶ «Не ходи ты, мой сыночек,

В Похьёлу на ту пирушку!

Ведь на улицах там ужас,

Чудеса там на дороге:

Трижды смерть грозит герою,

Трижды там грозит погибель» (Калевала. Руна 26).

- ¹⁷ О нежелании саамов водить приезжих в такие места и знакомить их со своим фольклором писали многие исследователи, см, напр.: Визе В. Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 9. С. 395–401: 396; Яценко А. Л. Несколько слов о Русской Лапландии (Из поездки) // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 10–37: 22; Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.: 394.
- ¹⁸ Ткачев Д. Куйва живет в Лукоморье // Мы. 2001. № 1. С. 137–143: 137, 139.
- ¹⁹ Заферман М. «Летучие камни» Севера // Наука и жизнь. 1990. № 2. С. 105: 105.
- ²⁰ Ферсман А. Е. Путешествия за камнем. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 392 с.: С. 180–181.
- ²¹ Буклет с фотографиями «Путешествие в Хибины. Маршрутом саамских легенд»: 1. В тексте буклета использована цитата, встречающаяся в книгах А. Е. Ферсмана (напр., «Путешествия за камнем», «Воспоминания о камне»), где он приводит альтернативный вариант сюжета саамского предания о происхождении «красных камней», отличный от нарративов, опубликованных исследователями XIX — начала XX века.
- ²² Там же. С. 5.
- ²³ Саамская деревня. Самый сыйт — саамский музей под открытым небом. URL: <http://lovozero51.ru> (дата обращения: 20.09.2024).
- ²⁴ Лапландский заповедник. URL: <https://laplandzap.ru/saami-sacred-stone-seid> (дата обращения: 20.09.2024).
- ²⁵ В 2023–2024 годах в Мурманской области, как и в ряде других регионов, проходила Всероссийская фольклорная экспедиция, в задачи которой входит изучение и сохранение нематериального культурного наследия России.
- ²⁶ Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. URL: <http://www.rusfolknasledie.ru/#/region/51?page=0> (дата обращения: 22.09.2024).

Список источников

1. Самоделова Е. А. Современный фольклор как нематериальное культурное наследие (к постановке проблемы) // Вестник Литературного института. 2016. № 2. С. 63–75.
2. Salmon C. Strategija Šeherezade. Beograd: Clio, 2011. 110 p.
3. Колесникова Н. В., Колесников Н. Г., Плотнокова В. С. Туризм и нематериальное культурное наследие: карело-финский эпос «Калевала» как аттрактор в информационном поле дестинации // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10, № 3. С. 115–123.
4. Путрик Ю. С., Соловьев А. П. Нематериальное культурное наследие России как ресурс для формирования туристического предложения // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2022. № 2. С. 49–62.
5. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–65.
6. Дахин С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187–188.
7. Калуцков В. Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 96 с.
8. Свирида И. И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора // Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 11–42.
9. Бодрова О. А., Разумова И. А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7(33). С. 126–142.
10. Литвин А. В. Ментальная географическая карта и поведение человека в географическом пространстве // Традиции и инновации в пространстве современной культуры: м-лы II Всерос. науч.-практич. конф.. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 48–50.
11. Калуцков В. Н. О ментальных картах, terra incognita и географической картине мира // Псковский регионологический журнал. 2017. № 4(32). С. 54–67.

12. Виноградова Л. Н. Ментальный образ ландшафта в народной культуре // Ландшафты культуры. Славянский мир. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 45–58.
13. Бодрова О. А. Саамы в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... кандидата ист. наук. Специальность: 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Апатиты: КНЦ РАН, 2009. 185 с.
14. Бодрова О. А. Этнокультурный облик Кольского Севера в периодических печатных изданиях (на материале журналов постперестроечного периода) // Труды КНЦ РАН. 2015. № 1(27). С. 29–46.
15. Давыдова А., Штырков С. «Это, говорят, ваше местное место силы»: духовный туризм на Сейдозере глазами проводников по Кольскому полуострову // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 257–296.

References

1. Samodelova Ye. A. Sovremennyy fol'klor kak nematerial'noye kul'turnoye naslediye (k postanovke problemy) [Modern folklore as an intangible cultural heritage (to the formulation of the problem)]. *Vestnik Literaturnogo instituta* [Bulletin of the Literary Institute], 2016, no. 2, pp. 63–75 (in Russ.).
2. Salmon C. *Strategija Šeherezade* [Scheherazade's strategy]. Beograd, Clio, 2011, 110 p. (in Serb.).
3. Kolesnikova N. V., Kolesnikov N. G., Plotnikova V. S. Turizm i nematerial'noye kul'turnoye naslediye: karelo-finskiy epos «Kalevala» kak attraktor v informatsionnom pole destinatsii [Tourism and Intangible Cultural Heritage: Karelian-Finnish Epos "Kalevala" as an Attractor in the Information Field of a Destination]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma* [Modern Problems of Service and Tourism], 2016, vol. 10, no. 3, pp. 115–123 (in Russ.).
4. Putrik Yu. S., Solov'yev A. P. Nematerial'noye kul'turnoye naslediye Rossii kak resurs dlya formirovaniya turisticheskogo predlozheniya [Intangible cultural heritage of Russia as a resource for the formation of tourism offers]. *Uchenyye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* [Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)], 2022, no. 2, pp. 49–62 (in Russ.).
5. Slovar' aktual'nykh muzeynykh terminov [Dictionary of current museum terms]. *Muзей* [Museum], 2009, no. 5, pp. 47–65 (in Russ.).
6. Dakhin S. D. Istoriko-kul'turnyy landshaft kak osnova kompleksnogo analiza material'nogo kul'turnogo naslediya polikul'turnogo regiona [Historical and cultural landscape as a basis for a comprehensive analysis of the material cultural heritage of a multicultural region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2012, no. 3, pp. 187–188 (in Russ.).
7. Kalutskov V. N. *Osnovy etnokul'turnogo landshaftovedeniya* [Fundamentals of Ethnocultural Landscape Studies]. Moscow, Moscow University Press, 2000, 96 p. (in Russ.).
8. Svirida I. I. Landshaft v kul'ture kak prostranstvo, obraz i metafora [Landscape in culture as space, image and metaphor]. *Landshafty kul'tury. Slavyanskiy mir* [Landscapes of culture. Slavic world]. Moscow, Progress-Tradition, 2007, pp. 11–42 (in Russ.).
9. Bodrova O. A., Razumova I. A. Lokalizatsiya ustnykh narrativov saamskogo fol'klora na territorii Kol'skogo poluostrova (k voprosu o geograficheskom printsipe sostavleniya ukazatelya saamskikh fol'klornykh syuzhetov) [Localization of oral narratives of Sami folklore on the territory of the Kola Peninsula (on the issue of the geographical principle of compiling an index of Sami folklore plots)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 7 (33), pp. 126–142 (in Russ.).
10. Litvin A. V. Mental'naya geograficheskaya karta i povedeniye cheloveka v geograficheskom prostranstve [Mental geographic map and human behavior in geographic space]. *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoy kul'tury* [Traditions and innovations in the space of modern culture]. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical University, 2017, pp. 48–50 (in Russ.).
11. Kalutskov V. N. O mental'nykh kartakh, terra ingognita i geograficheskoy kartine mira [On mental maps, terra ingognita and the geographical picture of the world]. *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal* [Pskov regionalological journal], 2017, no. 4 (32), pp. 54–67 (in Russ.).

12. Vinogradova L. N. Mental'nyy obraz landshafta v narodnoy kul'ture [Mental image of landscape in folk culture]. *Landshafty kul'tury. Slavyanskiy mir* [Landscapes of culture. Slavic world]. Moscow, Progress-Tradition, 2007, pp. 45–58 (in Russ.).
13. Bodrova O. A. *Saamy v russkoy etnograficheskoy literature vtoroy poloviny XIX — nachala XX vekov*. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [The Sami in Russian Ethnographic Literature of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. Dissertation, PhD (History)]. SPb., Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, Apatity, Kol'skiy nauchnyy tsentr RAN, 2009, 185 p. (in Russ.).
14. Bodrova O. A. Etnokul'turnyy oblik Kol'skogo Severa v periodicheskikh pechatnykh izdaniyakh (na materiale zhurnalov postperestroynogo perioda) [Ethnocultural image of the Kola North in periodicals (based on magazines of the post-perestroika period)]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Transactions of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 1 (27), pp. 29–46 (in Russ.).
15. Davydova A., Shtyrkov S. «Eto, govoryat, vashe mestnoye mesto sily»: dukhovnyy turizm na Seydozere glazami provodnikov po Kol'skomu poluostrovu [“This, they say, is your local place of power”: spiritual tourism on Seidozero through the eyes of guides on the Kola Peninsula]. *Antropologicheskiy forum* [Anthropological Forum], 2022, no. 55, pp. 257–296 (in Russ.).

Информация об авторе

О. А. Бодрова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Bodrova — PhD (History), Senior Research Fellow

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 25.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.
The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 25.09.2024; accepted for publication 27.09.2024.